

— Да, я знаю, у меня как раз есть одна картина, сейчас покажу вам.

— Хорошо, — кивнул Хуа Мао. — Младший ученик всегда работает быстро. Ладно, не буду тебя отвлекать. Поешь спокойно, дело не срочное.

Хуа Мао повесил трубку, и Оу Хэн остался один в тихой художественной студии.

— Сэр, всё в порядке? — Ли Гань поспешил подать Ли Цзюньюю приготовленную тёплую воду.

— Всё нормально, дай мне лекарство, — Ли Цзюньюй покачал головой и протянул руку.

Ли Гань положил приготовленные таблетки ему на ладонь. Их было много, но Ли Цзюньюй даже не моргнул, просто бросил их в рот.

Ли Цзюньюй ещё не полностью оправился от болезни, смена часовых поясов из-за поездки за границу, а затем постоянные переработки и стресс — всё это не давало ему выздороветь окончательно. Иногда у него даже поднималась небольшая температура. Ли Гань был в панике, но сам Ли Цзюньюй оставался спокойным, словно это не имело значения.

Оу Хэн встал, спустился вниз, поел, принял душ, а затем лёг на место, где обычно спал Ли Цзюньюй, обняв его подушку. Он отправил Хуа Мао фотографию картины.

[Хуа Мао]: Как называется эта картина, Эр-эр?

Уже было поздно, Хуа Мао долго смотрел на картину, прежде чем отправить это сообщение. Обычно работы Оу Хэна были наполнены светом и оптимизмом, но эта была пронизана унынием и отчаянием, что Хуа Мао видел впервые.

[Оу Хэн]: Она называется «Свет».

[Хуа Мао]: Эта картина прекрасна, будем использовать её. Ложись спать, не переживай, всё пройдет.

[Оу Хэн]: Ага.

Свет. Гого был его светом, который вывел его из дома. Впервые в парк аттракционов его отвёл Гого, в школу его отправил Гого, забирал домой, обедал с ним, сопровождал на уроки рисования, помогал с учёбой. Всё, что у него есть сейчас, всё это благодаря Гого. Именно Гого показал ему свет этого мира.

До встречи с Ли Цзюньюй Оу Хэн из-за проблем со здоровьем всегда оставался дома, даже в школу не ходил. Ян Хань и Оу Кэ боялись, что с ним что-то случится, и почти никогда не выводили его на улицу.

Они боялись, да и не доверяли себе. Если бы они хоть на мгновение отвлеклись, и с Оу Хэном что-то произошло, они никогда бы себе этого не простили. Поэтому они позволяли ему оставаться только дома.

В первый раз, когда они пошли в парк аттракционов, Ли Цзюньюй освободил его от посетителей. Там были только они. На карусели положили мягкие подушки, Оу Хэн несколько раз посмотрел на американские горки, а затем сел на колесо обозрения, которое видел только по телевизору. Ли Цзюньюй повёл его на детские горки, медленные и невысокие, совсем не страшные, но Оу Хэн был невероятно счастлив.

Оу Хэн уткнулся лицом в подушку.

Он — так сильно скучал по Гого, так сильно, что сердце болело.

На следующий день Оу Хэн отнёс свою картину на оформление, а затем доставил её Хуа Мао.

После окончания военных сборов наступил Национальный праздник. Прошло уже две недели, и Оу Хэн никак не видел Ли Цзюньюя, только изредка звонил ему. Когда наконец настал день возвращения Ли Цзюньюя, Оу Хэн даже не знал, как пережил эти две недели.

Узнав точное время и рейс возвращения Ли Цзюньюя, Оу Хэн приехал в аэропорт за четыре часа, постоянно поглядывая на часы и выход. Наконец он увидел, как Ли Цзюньюй и Ли Гань выходят.

— Гого! — Оу Хэн подбежал к выходу, махая рукой.

На лице Ли Цзюньюя появилась лёгкая улыбка, и он помахал в ответ.

— Гого, ты наконец вернулся... Я думал, ты меня бросил.

Оу Хэн обнял Ли Цзюньюя за талию, прижавшись к его груди, сдерживая слёзы.

Ли Гань стоял позади них, беспокоясь, хотел что-то сказать, но, взглянув на лицо Ли Цзюньюя, сдержался.

— Там были некоторые проблемы, пойдём, поедём домой, — Ли Цзюньюй взял Оу Хэна за руку, и они направились к выходу.

— Ага, — Оу Хэн послушно шёл за Ли Цзюньюем, тихий и спокойный.

Вернувшись домой, Ли Цзюньюй принял душ, снял повязку с поясницы в ванной. Рана немного разошлась, он вытер тело полотенцем, обработал рану с помощью аптечки в ванной, а затем снова перевязал и надел домашнюю одежду, словно ничего не произошло.

Рана на пояснице появилась, когда Ли Цзюньюй осматривал строительную площадку. Его зрение на мгновение помутнело, и он наткнулся на стальную конструкцию, где торчал гвоздь, который и поранил его. Рана была глубокой, и руководитель площадки чуть не упал в обморок от страха.

Из-за этого запланированное время возвращения пришлось отложить на несколько дней, и Ли Цзюньюй не осмелился сказать об этом Оу Хэну.

— Тетушка Минь, следующие две недели готовь блюда поспокойнее, острого ничего не добавляй, — Ли Гань воспользовался моментом, чтобы передать указания тетушке Минь, пока оба были заняты.

Когда Ли Цзюньюй открыл дверь ванной, он увидел Оу Хэна, который стоял у двери, смотря на него с тоской, словно брошенный щенок.

— Почему ты здесь стоишь? — Ли Цзюньюй был немного смущен взглядом Оу Хэна. — Что случилось?

— Ты даже голову не помыл? — Оу Хэн смотрел на волосы Ли Цзюньюя с недоумением.

— Устал, не хочу мыть, — после долгого перелёта это было идеальным оправданием.

— Тогда пойдем вниз ужинать, — Оу Хэн взял Ли Цзюньюя за руку и повёл его вниз.

Тетушка Минь приготовила стол с любимыми блюдами Ли Цзюньюя. Ли Гань, передав указания, ушёл. Он тоже давно не видел своего Сюй Вэня и очень скучал.

— Гого, почему ты не ешь? — Оу Хэн смотрел на тарелку Ли Цзюньюя, где рис был съеден только наполовину. Палочки Ли Цзюньюя тоже остановились, и Оу Хэн, готовый положить ему еду, замер.

— Смена часовых поясов ещё не прошла, я не голоден. Эр-эр, ешь сам, — Ли Цзюньюй снова взял общие палочки и положил Оу Хэну еду, улыбаясь, словно всё было нормально.

Он не осмелился использовать свои палочки, чтобы положить еду Оу Хэну, так как рана и простуда, казалось, снова дали о себе знать, а у Оу Хэна слабый иммунитет, и он мог заразиться.

Только Оу Хэн чувствовал, что что-то не так. Раньше Ли Цзюньюй никогда не использовал общие палочки, чтобы положить ему еду. Он не мог сказать, что знает аппетит Ли Цзюньюя досконально, но примерно представлял. Ли Цзюньюю часто приходилось летать туда-сюда, но он никогда не выглядел так усталым. Все детали указывали на то, что что-то не так.

— Гого, если ты устал, иди спать, я сам поем, — усталость на лице Ли Цзюньюя была очевидна, и Оу Хэну было больно смотреть.

— Буду есть вместе с моим малышом, — Ли Цзюньюй положил Оу Хэну ещё немного еды, улыбаясь.

После ужина Оу Хэн везде следовал за Ли Цзюньюем, даже в туалет стоял у двери, чтобы быть уверенным, что всё в порядке. Часто, выходя из ванной, Ли Цзюньюй видел, как его малыш сидит у двери, играя с пальцами...

Ли Цзюньюй устало вздохнул...

— Малыш, тебе было бы удобнее играть на кровати, — это начинало его раздражать.

— Ага, ничего, посижу, как зарядка.

— ... — Ладно, пусть будет по-твоему, он не мог спорить.

— Гого, в следующий раз не оставляй меня одного, — лежа в кровати, Оу Хэн обнял руку Ли Цзюньюя, жадно вдыхая его запах, так сильно скучал.

— Не будет, это я ошибся, — Ли Цзюньюй крепко обнял Оу Хэна. — Он чувствовал, как Эр-эр дрожал, боялся. Впредь он не допустит такого, это был просто несчастный случай.

Болезнь и рана — ничего из этого он не хотел. Его лицо было слишком бледным, поэтому он не виделся с Оу Хэном больше двух недель.

— Без Гого я не могу спать... — Каждый раз, засыпая, он видел кошмары, где Гого исчезал, и просыпался в ужасе, боясь снова заснуть. Иногда он даже боялся спать и шёл в художественную студию, где рисовал всю ночь.

— Спи, я здесь, я всегда здесь.

— Ага... — Услышав низкий голос Ли Цзюньюя, Оу Хэн начал засыпать, крепко обняв его, и вскоре уснул.

Ли Цзюньюй мягко похлопывал Оу Хэна по спине, ритмично, и вскоре тоже уснул. Когда Оу Хэна не было рядом, разве он был не таким же? Он тоже не мог спать, тоже боялся.

<http://bllate.org/book/16768/1541345>